

Гетеротопия – рабочее понятие современной гуманитаристики: литературоведческий аспект

Э. Г. Шестакова
ДОНЕЦК, УКРАИНА

Аннотация: Обосновывается актуальная для современной гуманитаристики проблема гетеротопии. Доказывается, что она может оказаться как очередной научной модой, так и открытием нового, если не самостоятельного, то необходимого вспомогательного междисциплинарного понятия, проясняющего значимые, ускользающие от традиционных понятий смысловые, структурные нюансы, способствующего обнаружению и разрешению проблемных ситуаций. Акцентируется внимание на том, что для литературоведения необходимо проверить понятие гетеротопии непосредственно художественной словесностью и убедиться в том, откликнется ли внутренний мир художественного произведения, словесно-культурный процесс на явление гетеротопии. Предлагаются три основных направления, позволяющих доказать или опровергнуть продуктивность введения и активизации понятия «гетеротопия» в литературоведении.

Ключевые слова: Гетеротопия, литературоведение, художественная литература, словесно-культурный процесс, пространство, время, хронотоп.

УДК: 81.13.

Контактная информация: Украина, Донецк, ул. Сальская, 21. E-mail: shestakova_eleonora@mail.ru.

Как известно, слово «гетеротопия» в 1966–1967 гг. было введено в интеллектуальный оборот М. Фуко¹, и которое только на рубеже наших столетий начало оформляться как термин, понятие гуманитаристики, архитектуры, дизайна, социологии, политологии, философии, культурологи. Со второй поло-

¹ В известной работе «Слова и вещи» (1966) и докладе «Другие пространства» (1967), который, как указывается в предисловии к его переводу на русский язык, М. Фуко написал весной 1967 г. в Тунисе, но разрешил опубликовать только весной 1984 г.

вины 80-х гг., после того, как небольшая статья М. Фуко «Другие пространства» [2006, с. 191] оказалась популярной среди европейских интеллектуалов, *гетеротопия* стала входить и быстро обживать в обиходе многих исследований и в качестве перспективной идеи, и в качестве рабочего понятия. Гетеротопия оказалась весьма продуктивной одновременно и как некое полисемантическое, междисциплинарное явление и как обнаруженная, обозначенная, но не прописанная, не концептуализированная, однако чётко заявленная и осознанная *проблемная ситуация*, как бы это определил Ю. Степанов. С конца прошлого столетия гетеротопия как научная метафора, становящееся понятие, попытка создания новой методологии, увиденное явление культуры оказывается принятым и актуальным. Гетеротопия оказывается той идеей, которая изначально способна предельно близко соединить и заставить обратиться друг к другу такие значимые для гуманитаристики второй половины XX столетия идеи, как история, развитие, прогресс, цикл, кризис, время, человек, и прежде всего, человек обыкновенный, повседневность, которые длительный период как бы существовали в разных плоскостях. Далеко неслучайно, М. Фуко первым предложением статьи «Другие пространства» делает почти программное утверждение: «Великой навязчивой идеей, неотступно преследовавшей XIX век, как известно, была история: тема развития и остановки, тема кризиса и цикла, тема накопления прошлого, значительная перегрузка мира мертвецами, грозящее охлаждение мира» [2006, с. 191]. При этом примечательно, что гетеротопия, как проявление, репрезентант пространства, максимально актуализированного взглядом и отношением человека, не противостоит истории, времени и развитию, не является своеобразной защитой человека и повседневности от них, а по-особому бережно относится, концепирует их. М. Фуко тоже чётко и программно акцентирует: «...речь при этом не идёт о том, чтобы отрицать время; это определённый способ обращения с тем, что называется временем и историей» [Там же, с. 191–192]. Гетеротопия изначально оказывается своеобразным проявлением пространства, точнее пространственности, пространственных отношений, которые неразрывно внутренне взаимосвязаны, взаимообусловлены такими явлениями, как время, история, развитие, человек обыкновенный, повседневность, и тем, что Г. Гуссерль и вслед за ним Ю. Хабермас определяют в качестве жизненного мира.

Необходимо отметить, что гетеротопия, так и не получившая системного истолкования и даже понятийно-терминологического объяснения у самого М. Фуко, для научного мышления и культурной практики конца XX столетия обнаружила востребованные, сильные, хотя обозначенные пунктирно и по большей части лишь подразумеваемые, потенциальные, в том числе для самого М. Фуко, смыслы. При этом гетеротопия, благодаря своей метафоричности, проявила некое проблемное поле культуры рубежа наших столетий. Оно, как показала научная рефлексия, копилось и смогло во многом реализоваться через этот феномен: полисемантический, неоднозначный, почти неопределённый и до конца неопределимый, всегда оставляющий, подобно произведению У. Эко, неизреченный и тем значимый остаток. Гетеротопия оказалась понятием, способным уловить и обозначить новое отношение к пространству и миру в целом. И это всё на фоне того, что в каждом из направлений гуманитаристики есть хорошо разработанные, устоявшиеся, проверенные длительной науч-

ной традицией и практикой термины и понятия, отображающие пространство, точнее так: специфику преломления, способов и средств видения, концептуализации пространства, пространственных отношений, а также соотносимых с ними явлений и понятий.

С одной стороны, это выглядит вполне естественно: отражает общекультурные, общеисторические процессы, которые сопровождаются сменой господствующих умонастроений, что, естественно, отображается и на принципах научной, философской рефлексии, их языке. М. Фуко тоже в самом начале статьи «Другие пространства» задал такую, обусловленную именно историчностью знания и движения культуры, смысловую перспективу, в которой необходимо рассматривать гетеротопию. Она по своей сути не новое культурное явление, но возможность нового взгляда на привычные культурные явления: «Мы живём в пору, когда мир, по-моему, ощущается не столько как великая жизнь, что развивается, проходя сквозь время, сколько как сеть, связывающая между собою точки и перекрещивающая нити своего клубка. Может быть, можно сказать, что многие из идеологических конфликтов, одушевляют сегодняшнюю полемику, разворачиваются между благочестивыми потомками времени и остервенелыми обитателями пространства» [Фуко, 2006, с. 191]. Гетеротопия признаётся тем способом видения, артикуляции и концепирования мира, который во многом созвучен нашей современности или, точнее, эпохе позднего модерна, именного как незавершенного проекта, по идее Ю. Хабермаса. Идея гетеротопии, или, как чаще определяют, гетеротопий, обнаруживает и обнажает процесс перехода классического культурного сознания в неклассическое, а также момент их неизбежного сосуществования. М. Фуко по традиции возводит это к началу Нового времени. Он пишет о том, что открытие Галилея определяется прежде всего тем, что «он построил пространство бесконечное – и бесконечно открытое», когда «местоположение определяется через отношения соседства между точками и элементами...» [2006, с. 192–193]. Место оказывается не только пространственным показателем, но одновременно и временным, выступая в роли особого складирования и хранения времени, истории, памяти и образов, предметов, которые их репрезентируют.

Но, с другой стороны, и такое мироощущение, такая организация пространства – и это принципиально важно изначально понять – «не является новоизобретённым... обладает историей», и есть «судьбоносное пересечение времени с пространством» [Там же, с. 192]. На это тоже в самом начале статьи указывает М. Фуко как на один из концептуальных аспектов для трактовки гетеротопии. История такого пространства, наполненного системой различных мест, где «вещи обретали свои естественные местоположение и покой» [Там же]. Для М. Фуко это Средние века, когда существовало множество иерархизированных на основании различных критериев реальных мест жизнедеятельности человека, например профанных и сакральных, открытых и закрытых, защищенных и незащищенных, сельских и городских и т. п., но при этом локализованных по чётко объективно существующим, пусть даже и в чём-то конвенциональным, критериям. Гетеротопия – это не столько конкретное место, сколько способ его видения, субъективного ощущения и выделения среди общего пространства, как человеком, так и отдельной, локальной, «малой» культурой.

Новизну этого понятия, хотя и во многом метафорического, можно понять именно с учётом интеллектуальных поисков конца 60-х – первой половины 80-х гг. XX столетия, когда идёт развитие идей, методологий структурализма, постструктурализма, семиотики, антропологии, которые до наших дней во многом определяют направления и тенденции развития гуманитаристики. Гетеротопия выглядит в первую очередь как поиск на фоне понятийно-категориального аппарата и классической гуманитаристики, который отображает проблемы пространства, и неклассических походов и направлений, работающих с понятиями *текста, кода, языковой игры, дискурса, наррации, структуры, деконструкции, различия, различения, карты, ризомы, другого, инаковости, изгойства*. Однако в отличие от этих понятий гетеротопия так и не получила должной разработки у своего автора, хотя к концу XX века она и нашла активную и разнонаправленную поддержку и воплощение в европейской социально-гуманитарной сфере знаний. При этом гетеротопия, которая изначально обусловлена идеей сложно представленной, разнородной, семантически объёмной пространственности, принимается как идея и, что парадоксально, как априори готовое понятие. Однако она почти не разрабатывается с точки зрения своей понятийной сущности, застывая в границах идей, предложенных М. Фуко. Гетеротопия удачно соотносится с понятийно базовыми идеями неклассической гуманитаристики, и поэтому некоторое время остаётся в статусе некой близкой, понятной идеи, воплотившейся в готовое понятие.

Уже на рубеже наших столетий возникает ряд вопросов, связанных, прежде всего, с целесообразностью и перспективами введения в гуманитаристику идеи гетеротопии, постепенно превратившейся в активное рабочее понятие, а также её многовекторной разработки представителями различных сфер, школ, направлений гуманитарной науки. Рефлексия гетеротопии – во многом осмысление проблем неклассической гуманитаристики. Гетеротопия может оказаться как очередной научной модой, так и открытием нового, если не самостоятельного, то необходимого вспомогательного, дополнительного междисциплинарного понятия, осуществляющего связь различных сфер гуманитарной науки, проясняющего значимые, ускользающие от традиционных понятий смысловые, структурные нюансы, способствующего обнаружению и разрешению *проблемных ситуаций*. Это с одной стороны. С другой – может привести и к становлению новой методологии, равно как и к обнаружению несостоятельности этих претензий. В любом случае гетеротопия уже стала законным и действенным явлением гуманитарной науки и получила разработку не только у западноевропейских специалистов, но и у исследователей из постсоветского геополитического пространства, представляющих почти все сферы современной гуманитарной науки.

Насколько известно автору этой статьи, гетеротопии уже было посвящено три серьёзных научных мероприятия. В 2005 г. в Голландии прошел междисциплинарный коллоквиум, по материалам которого в 2008 г. в Лондоне была издана книга «Гетеротопии и город», переведенная на русский язык [Харламов, 2010]. В 2007 г. в Греции состоялась междисциплинарная международная конференция «Гетеротопии», обзор докладов и выступлений которой был опубликован в «Новом литературном обозрении» [Тимофеева, 2007]. В 2013 г. в Вильнюсе поведена Международная научная конференция «Гете-

ротопии: «Вильнюс», одной из целей которой было исследование возможностей и перспектив гетеротопии с точки зрения литературоведения, и участником которой довелось быть и мне. Необходимо сразу же оговорить, что эта конференция тоже задумывалась и состоялась как междисциплинарный диалог, в котором, соответственно сущности самой гетеротопии, реализовалось взаимодействие различных научных и культурных языков, направлений, подходов, сфер науки, работающих, казалось бы, с разнородным материалом, но стремящихся к разработке общего предметного и проблемного поля. В организационном письме от 30.09.2013, посвященном подготовке сборника статей, организаторы уже апостериори формулируют: «Наша задача – подготовить цельный и концептуальный сборник, в котором понятие *гетеротопий*, соотношенное с другими теоретическими подходами к пространственной проблематике в современной гуманистике, получит как можно более полное освещение. <...> Фуко ввел термин для указания на тот факт, что пространство, будь оно физическим или социальным, не является единым, а состоит из множества разных мест, продолжающих его и противопоставленных ему. Эти другие места обладают своим временем и производят “другие истории”, которые наряду с большими нарративами и часто вопреки им творят альтернативный образ мира».

То, что гетеротопия оказалась продуктивным и перспективным, живым, становящимся рабочим понятием, свидетельствует и следующий факт. По аналогии с гетеротопией уже возникло и получило исследовательские отклики понятие *иеротопия* – создание сакральных пространств как вид художественного творчества. Автор концепции иеротопии как особой формы творчества и новой области гуманитарного знания – А. Лидов, российский специалист по византийской иконографии и истории восточно-христианского образотворчества [2009]¹.

Активизация интереса к проблеме пространства, оформляющейся через понятие *гетеротопии*, как к проблеме по-иному открывшегося социального и культурного пространств жизнедеятельности и ценностных способов ощущения, самосознания, самоорганизации человека рубежа наших столетий на новых идейных и методологических основаниях объединила представителей разнородных научных сфер. Идея *других пространств*, их вычленения, концептуализации, движения, *протяженности* (М. Фуко) внутри устоявшегося мира оказалась близкой не только культурным настроениям, но и собственно научному мировоззрению. Исследования, которые проводятся представителями различных наук, посвящены попытке нового видения, понимания пространства и его образов, которые не всегда связаны непосредственно с при-

¹ См. также: Иеротопия. Наука о создании сакральных пространств. URL: <http://hierotopy.ru/ru/?cat=5>; Иеротопия как новое направление историко-культурных исследований. Материалы круглого стола, проведенного Центром украинистики и белорусистики на историческом факультете МГУ 26 ноября 2006 года. URL: http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/hierotopy_mgu.htm; Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид художественного творчества // Полит.ру. 31 мая 2007 г. URL: <http://polit.ru/article/2007/05/31/hier/> (дата обращения 24.08.2013).

вычной трактовкой пространства, его обусловленности предметно-вещным миром и реалиями, на чём настаивал М. Фуко. Появился ряд работ, в которых предлагается, например, художественную литературу понимать как особую гетеротопию наррации (венгерская исследовательница Т. Сабо), киноискусство как особую гетеротопию (И. Исиченко [2012]) или Запад как сложную игру утопии и гетеротопии для интеллектуалов (М. Николчина, А. Зупанчич)¹. Однако в любом случае, строго ли придерживаются исследователи идей М. Фуко или же стремятся к их разновекторной интерпретации, значимо убеждение: «Сегодняшнюю же эпоху можно, скорее, назвать эпохой пространства. Мы живём в эпоху одновременного, в эпоху рядоположения <...> Мы живём в эпоху, когда пространство задаётся нам в форме отношений местоположения, местонахождения. <...> Мы живём не в вакууме, который окрашивается разнообразными оттенками; мы живём в рамках множества отношений, определяющих местоположения, не сводимые друг к другу и совершенно друг на друга не накладывающиеся» [Фуко, 2006, с. 191, 193, 195]. Специфическое ощущение и осуществление человеком пространственности, её моделей, отношений на основе дисперсии, т. е. расхождения, различия, различения явлений мира, культуры и, главное, повседневности, и есть основополагающее для понимания гетеротопии и для самого М. Фуко, и для его последователей. Гетеротопия оказывается феноменом, репрезентирующим раздробленный, предельно телесно и вещно ощущаемый мир современной культуры, обязательно пропущенный сквозь призму сознания человека, привыкшего мыслить *рубежностью, граничностью, переходностью* и жить *с измененной парадигмой чувствительности* (Ж. Бодрийяр).

Кроме того, для этих исследований важно обоснование следующих почти константных характерных свойств гетеротопии, предложенных М. Фуко в «Словах и вещах» (1966). В этой работе он чётче, чем в статье «Другие пространства», обозначил концептуальную основу для понимания сути гетеротопии: «...существует худший беспорядок, чем беспорядок *неуместного* и сближения несовместимого. Это беспорядок, высвечивающий фрагменты многочисленных возможных порядков в лишенной закона и геометрии области *гетероклитного*; и надо истолковать это слово, исходя непосредственно из его этимологии, чтобы уловить, что явления здесь “положены”, “расположены”, “размещены” в настолько различных плоскостях, что невозможно найти для них пространство встречи, определить *общее место* для тех и других. *Утопии* утешают: ибо, не имея реального места, они, тем не менее, расцветают на чудесном и ровном пространстве; они распахивают перед нами города с широкими проспектами, хорошо возделанные сады, страны благополучия, хотя пути к ним существуют только в фантазии. *Гетеротопии* тревожат, видимо, потому, что незаметно они подрывают язык; потому что они мешают на-

¹ Николчина М. Запад как интеллектуальная утопия // Гендерные исследования № 12. Универсальная сеть по гендерным исследованиям для стран бывшего СССР. URL: <http://www.kcgs.org.ua/gurnal-012.shtml>; Зупанчич А. По ту сторону фантазматического зеркала (ответ на статью Миглены Николчиной «Запад как интеллектуальная утопия») // Гендерные исследования № 12. Универсальная сеть по гендерным исследованиям... (дата обращения 25.08.2013).

зывать это *и* то; потому что они “разбивают” нарицательные имена или создают путаницу между ними; потому что они заранее разрушают “синтаксис”, и не только тот, который строит предложения, но и тот, менее явный, который “сцепляет” слова и вещи (по смежности или противостоянию друг другу)» (курсив автора. – Э. III.) [Фуко, 1977, с. 34]. В «Словах и вещах» гетеротопия во многом не являлась самостоятельной идеей, актуализовалась М. Фуко противопоставлением с утопией (и безусловно сопряженными с ней явлениями), столь значимой для 60-х гг. идеологемой. Но в то же время именно такое сопоставление и позволило обозначить наиболее существенные смысловые и культурно-идеологические аспекты понимания гетеротопии. Необходимо отметить, что именно аспект соотношения утопии и гетеротопии, их сути и возможности образовывать оппозицию и на сегодняшний день является одной из актуальных и наиболее исследованных в гуманитаристике проблем. Особенно если учесть, что она часто рассматривается в соотношении с понятиями повседневности, идеологии, социально-культурного мироустройства (см., например, [Хачатуров, 2012]).

Ведущим в гетеротопном осмыслении мира оказывается нарушение, разрушение только видимого, конвенционального с позиции социальных отношений порядка, систем и обнаружение, обнажение порядка и связей иного рода – обусловленных внутренним единством субъективного взгляда, мировосприятия и существующей некой объективности устройства общества, повседневности и культуры. Такая внутренне изначально провокационная природа гетеротопии, подталкивающая к преодолению привычного для европоцентричного культурного сознания бинарного архетипа и воспитанию умения мыслить более сложно, постоянно субъективизированными и процессуально, динамично организованными системными отношениями, будет предопределять направления и тенденции осмысления этого явления. Н. Харламов в рецензии на книгу «Гетеротопии и город» так суммирует представление об этом понятии: «Определение гетеротопий как мест, в которых все остальные места культуры представляются, отражаются, оспариваются, притом что сами гетеротопии одновременно находятся вне всех мест и являются локализуемыми...» [2010].

В. Подорога в одном из примечаний в статье, посвященной сопоставлению философски-мировоззренческих систем Ф. Ницше и М. Фуко, эскизно, но довольно ёмко обозначил суть гетеротопии, значимую для М. Фуко, но не всегда корректно учитываемую его последователями: «Собственно, гетеротопия – это базовая функция любого жизненного пространства, и естественно, что от эпохи к эпохе она может меняться и преобразовываться. Нет никаких особенных гетеротопий, они все известны и привычны для нас: театр, библиотека, дом, кладбище, кинематограф, музей; человеческая жизнь определяется движением по пути от рождения до смерти внутри подобных гетеротопических пространств. <...> Гетеротопические пространства – пространства совмещения несовмещаемого, иначе говоря, они совмещают, т. е. способны вместить в себя, дать место даже тому, что не может, казалось, иметь места в них, но получает его, поскольку само это пространство образуется как раз из совмещаемого и не имеет вне его некой идеальной и, следовательно, ограничивающей меры, которая регулировала бы расположение совмещаемого, его объем, качества, ориентацию и т. п. Если жизненное пространство в состоянии себя воспроиз-

водить и развивать, то это значит, что его гетеротопическая структура устойчива и эффективна»¹. В. Подорога фактически суммировал то, *что* и *почему* является, может быть значимым для современного гуманитарного знания в феномене, обозначенном *гетеротопия*.

Таким образом, в разговоре о гетеротопии обязателен анализ не только привычных пространственных образов, систем и отношений, но и неразрывно сопряженных с ними базисных культурных явлений и понятий. К ним относятся понятия *реальности – иллюзорности, частного – публичного, своего – чужого, обычного – необычного, плавности – прерывистости, открытости – замкнутости, телесности, субъективности, повседневности, парадоксальности, объективности, визуальности, зеркальности, социального и, главное, принципа бинарности*. Точнее будет определить так: преодолеваемого *принципа бинарности* и задаваемых, постоянно и целенаправленно продуцируемых ими моделей и способов поведения, организации мира. Не менее важна и обоснованность гетеротопий сменой приоритетов и доминирующих настроений, осуществляющих себя не столько во времени, сколько в повседневности, которая инертна и наименее подвержена быстрым изменениям. О. Беззубова, занимающаяся этой проблемой с точки зрения социологии и философии современной культуры, пишет о том, что «гетеротопии также часто связаны с ритуализацией разрыва, травестированием обыденных норм. Поэтому в первую очередь Фуко интересуют такие свойственные западноевропейской культуре «места-гетероклиты», как тюрьмы, больницы, кладбища, публичные дома, курорты, колонии, корабли, демонстрирующие особые отношения со всеми остальными возможными местоположениями. Гетеротопиям также свойственны особые временные отношения – они могут накапливать время (как, например, музеи и библиотеки), упразднять его, прерывать. Следовательно, гетеротопии представляют собой особого рода пространственно-временные единства, связанные с трансформацией субъективности...» [Беззубова, 2011] (см., также: [Беззубова 2010]). Аналогичных представлений о гетеротопии как разрыве, сломе плавного осуществления повседневности и обнаружении сложной системы (ризомы) особых пространств (мест) осуществления жизнедеятельности и жизнечувствования человека, на чём особо настаивал М. Фуко, придерживаются практически все исследователи, работающие с этим понятием и анализирующие сквозь него разнообразный культурный материал.

Однако при всём увлечении современной науки в целом понятием гетеротопии, стремлением сделать его полноправным рабочим понятием для различных и традиционных научных сфер знания, и только становящихся, современных меж- или наддисциплинарных направлений типа ландшафтной архитектуры, географии власти, воображаемой географии, гуманитарной географии (Дм. Замятин [2011]) необходимо отметить следующее. Собственно литературоведение заняло сравнительно пассивную позицию относительно гетеротопии. До конференции в Вильнюсе (2013 г.) удалось обнаружить только

¹ Подорога В. Событие: Бог мертв Фуко и Ницше // Фридрих Ницше. URL: <http://www.nietzsche.ru/look/xxc/ontologie/vpodoroga/> (дата обращения 25.08.2013).

одну литературоведческую статью, автор которой непосредственно работает с понятием гетеротопии [Ананьина, 2010].

С одной стороны, подобного рода общее положение вещей продуцирует, казалось бы, риторический ряд вопросов: а стоит ли при хорошо разработанных и успешно работающих, витально сильных собственно литературоведческих, берущих истоки в античной поэтике понятиях *художественное пространство, пространственная форма, время, пространственно-временные отношения*, а также бахтинском *хронотопе* водить еще одно понятие? Стоит ли отягощать литературоведение явно и неустранимо междисциплинарным, внутренне устремленным к социологии и культурологии, обязательно требующим адаптации к теории словесности понятием? Что концептуально нового может принести в науку о художественной словесности введение и разработка понятия *гетеротопия* с собственно литературоведческих позиций? Способны ли пространство художественной литературы, словесно-культурный процесс принять и естественным образом откликнуться на вопросы, цели, задачи, смыслы, заложенные и осуществляющиеся через понятие «гетеротопия»? Что в самом понятии «гетеротопия» указывает на его способность естественным, а не механистическим образом трансформироваться в литературоведение, не выступая при этом в роли своеобразного дублета или заменителя уже традиционных и фактически потенциально не исчерпываемых понятий, связанных с пространственно-временными проблемами? Эти вопросы особенно значимы на фоне кризиса литературоведения. Но и без кризиса вполне очевидна понятийно-терминологическая избыточность и своеобразная заумность современного литературоведения, о чём, в частности, А. Компаньон с определённой долей иронии написал в работе с показательным названием «Демон теории. Литература и здравый смысл»: «Сегодня невозможно пройти конкурс, не владея тонкими разграничениями и терминологическим языком нарратологии. Кандидат, не умеющий определить, является ли лежащий перед ним кусок текста “гомо-” или “гетеродиегетическим”, “сингулятивным” или “итеративным”, с “внутренней” или “внешней фокализацией”, не пройдет конкурса, точно так же, как раньше ему нужно было уметь отличить анаколуп от гипаллаги и знать год рождения Монтескье» [2001, с. 15–16].

Но, с другой стороны, обусловленной одновременно и общим проблемным полем теории литературы, и самой художественной словесностью, всё же необходимо подумать над тем, что качественно новое может дать литературоведению понятие «гетеротопия», которое удачно работает в других сферах гуманитаристики. Если еще в конце 90-х гг. А. Компаньона, как и многих западноевропейских интеллектуалов, беспокоило, что «до 1980 года мы как бы освоили минимум теории, необходимый для обновления школьного преподавания <...> Теоретический порыв застыл в неподвижности, послужив подспорьем непременно объяснению текста. <...> Теория остепенилась, а значит, перестала быть такой, какой была прежде; она присутствует в нашей культуре подобно тому, как присутствует в ней литература того или иного века, занимая свое место в ряду университетских специальностей. Она стала благоустроенной и безобидной <...> В ней не больше жизни, чем в других, в том смысле, что теперь уже не она объясняет, зачем и как надо изучать литературу, каковы смысл и сегодняшние задачи литературоведения» [Там же, с 16–17], то

почему нас не должна волновать эта проблема, которая не исчезла и не переместилась на маргиналии?

Однако, для того чтобы ответить по-настоящему и ответственно на эти вопросы, необходимо проверить понятие «гетеротопия» непосредственно художественной словесностью. Убедиться в том, откликнется ли внутренний мир художественного произведения, мир художника и словесно-культурный процесс в целом на то, что уже принято обозначать гетеротопией. Это, во-первых. Во-вторых, поставить вопрос о том, возможно ли, насколько, в каких аспектах и направлениях, с какой степенью допустимости говорить о моментах определенного рода предвосхищения самой художественной словесностью того, что уже входит в семантический объём понятия «гетеротопия», является его конститутивным основанием и обоснованием. Ведь, как хорошо известно, внутренний мир художественного произведения не является прямым и непосредственным отражением мира внешнего, социально, исторически, культурно детерминированного. Художественное произведение – это всегда реальность иного порядка, которая корректирует, но не отождествляется с эмпирической, социальной, политической, исторической, культурной реальностью. Именно поэтому сам словесно-культурный материал и практика принимают или же отторгают то, что им близко или нет, необходимо или же насильственным механическим способом привнесено. В нашем случае это феномен гетеротопии, который должен пройти проверку словесно-культурным материалом и процессом. Но самое главное – они, питаемые и питающие творческую память, по-особому реализуют культурное предвосхищение многих философских открытий, научных понятий, к которым, безусловно, относится новое ощущение и представление пространства, а также сопряженных с ним понятий, связей, отношений. Именно предчувствие, предвосхищение особого положения для новейшего времени пространственности обнаруживает крайне интересные, объемно-лабиринтные по своей сути процессы и состояния в словесно-культурном процессе. Исходя из такого видения проблемы, литературоведение может одновременно пойти тремя продуктивными путями, равнозначно позволяющими обнаружить или нет продуктивность введения и активизации для себя понятия «гетеротопия».

Первый путь или направление предполагает сугубо теоретическое осмысление понятия гетеротопии, попытку его системного, последовательного, прежде всего понятийно-содержательного определения. При этом необходимо учитывать изначально провокационный и экспериментальный характер такого рода действий. Это неизбежно приведёт к концептуальным проблемам, которые обусловлены следующим принципиальным вопросом. Как адаптировать к литературоведению понятие, которое неустранимо междисциплинарно по своей сущности и фактически существует в качестве научной метафоры? Естественно, такого рода адаптация не может быть механическим перенесением общих представлений гуманитаристики о гетеротопии в сферу литературоведения. Скорее, речь должна идти о последовательном соотношении гетеротопии с уже устоявшимися, разработанными литературоведением понятиями, отражающими суть как непосредственно художественного пространства, пространственных отношений и проблем, так и тех, которые касаются значимых для гетеротопии смысловых аспектов и понятий. Если для традиционного ли-

тературоведения это прежде всего понятия *художественного времени, рода, жанра, сюжета, композиции, архитектоники, героя, автора, организации повествования, Другого*, то в неклассическом литературоведении добавляются еще и такие уже достаточно неплохо разработанные и устоявшиеся понятия: *наррация, дискурс, децентрация, различение, эпистема, структура, код, письмо, текст, семиосфера, коммуникация, автокоммуникация, изгойство, инаковость, смерть субъекта, поэтика и эстетика аномальности*. В этом плане, как представляется, наиболее актуальным и перспективным является анализ соотношения художественного пространства, времени, хронотопа и гетеротопии. Однако, насколько известно, попыток собственно теоретического литературоведческого осмысления гетеротопии еще не предпринималось. Понятие «гетеротопия» и в литературоведении принимается в качестве заданного, в первую очередь, философско-культурологической сферой знания, что во многом приводит к его выхолащиванию, поверхностному отношению и не позволяет выявить и проследить его именно литературоведческие возможности и перспективы.

Второй путь или направление предполагает вычленение, обоснование и системное исследование того, что М. Фуко обозначил в качестве мест-гетероклитов, т. е. всегда иных, других мест по отношению к устойчивым структурам мира, к повседневности, мест, производящих разрыв в плавном, нерелективируемом течении будничности. Это то, что в «Истории безумия» М. Фуко отнесил к Сфере Неразумия, а в «Надзирать и наказывать» – к машинериям власти, дисциплинарному пространству: например, корабль (корабль дураков), тюрьма, школа, больница, сумасшедший дом, кладбище. Хотя это может быть дифференциация всего социально-культурного пространства, в котором видятся в качестве мест-гетероклитов и соборы, и кафе, библиотеки, парки, музеи и т. п. Это направление в литературоведении сейчас является преобладающим, что и показал спектр интересов докладчиков на вильнюсской конференции. С одной стороны, здесь развивается анализ структуры, смыслового, идеологического, культурного, собственно поэтического, эстетического наполнения мест-гетероклитов непосредственно в произведениях художественной литературы. Это весьма продуктивно и позволяет не только установить набор и диапазон значимых для художественной литературы мест-гетероклитов, но определить наиболее адекватные подходы к ним, методы их анализа и интерпретации. Однако, с другой стороны, остаются крайне не проясненными некоторые собственно литературоведческие проблемы. Если вычленение ведущих для эпохи, автора или же конкретного произведения мест-гетероклитов не составляет особого труда, более того, обнаруживает значимость интертекстуального подхода в литературоведении, то методы и принципы исследования этих мест четко обозначают общие проблемы. В первую очередь, чем анализ *темы, образа, мотива, дискурса, локуса, топоса*, например, усадьбы или библиотеки отличается от анализа *гетеротопии* усадьбы или библиотеки. Устоявшийся, во многом уже достаточно хорошо разработанный литературоведением понятийный ряд *тема, образ, мотив, дискурс, локус, топос* и взаимообусловленная им система подходов и методов при анализе и интерпретации уже не вызывают особых вопросов и являются априори понятными. Хотя и, безусловно, требуют научной корректности и ответственности.

С точки же зрения гетеротопии приходится говорить о серьезных проблемах, которые снова-таки обусловлены недостаточной теоретической разработкой самого понятия «гетеротопия», а также предполагаемых им методов и подходов.

Кроме того, важно понять, что вычленение и исследование мест-гетероклитов в словесно-культурном процессе и пространстве связано еще и со следующим комплексом проблем. *Когда, почему и как* собственно художественная литература смогла «увидеть» и стала описывать то или иное место-гетероклит, систему мест-гетероклитов, принципы их сменяемости в литературе. *Когда, почему и как* собственно художественная литература стала для себя постепенно прояснять, какие из этих мест являются общелитературными, а какие и почему присущи национальной художественной литературе, что лежит в их основе, обуславливает движение этих мест-гетероклитов в художественно-литературном процессе. Так, вполне понятно, что храм, тюрьма, базар, дом, кладбище, сад, усадьба, рабочий дом и т. п. давно стали неотъемлемым явлением культуры, каждое из которых по-особому организывает, копит, хранит время. Как понятно, что писатели и поэты не могли об этом не знать. Но вопросы о том, *когда, почему и как* эти места стали предметами художественной литературы, – это во многом вопросы, связанные именно с теорией гетеротопии и методами анализа и интерпретации, которые она потенциально содержит. Это выводит нас по крайней мере еще на две концептуальные для современного литературоведения проблемы. Во-первых, это по-прежнему значимая проблема движения литературных эпох, когда именно через сложное по своей природе понятие «гетеротопия» можно наиболее корректно приблизиться и описать, как «всякий раз отражены историческое содержание той или иной эпохи, ее идеологические потребности и представления, отношения литературы и действительности» [Аверинцев и др., 1994, с. 3]. Во-вторых, не менее показательна старая литературоведческая и идеологическая дискуссия о методах (творческих, художественных). Метод, «как общий принцип творческого отношения художника к познаваемой действительности, т. е. ее пересоздания; и потому он не существует вне конкретно-индивидуального своего претворения», как «проблема определения последовательного отношения художественного образа к воссоздаваемой реальности» [Литературная энциклопедия, 2003] в принципе корректирует с понятием гетеротопии. Они соотносятся через общую проблему сознательно выбранной художником позиции по отношению к действительности, её образам и реалиям, а еще идеологемами. С помощью разработки понятия гетеротопии через принципы вычленения и существования системы актуальных мест-гетероклитов, можно масштабировать словесно-культурные принципы соотношения художественного образа и действительности, принципы их преломления в тексте и в ткани художественного произведения.

К сожалению, именно этот теоретический по своей сути круг проблем еще не был не то, что поставлен, даже обозначен в литературоведении. Исследователи предпочитают так же, как и большинство представителей гуманитаристики в целом, ориентироваться пока на экстенсивный курс освоения мест-гетероклитов. Кстати, это во многом приводит к тому, что преобладают мето-

ды интертекстуального, культурологического подходов в литературоведении, а также городского текста, литературного краеведения.

Третий путь или направление предполагает, что исследование выстраивается двуединым образом: выдвигается в качестве идеи и разрабатывается какой-то один из аспектов гетеротопии, который непосредственно проверяется анализом конкретного художественно-литературного материала. Например, на вильнюсской конференции уже была предпринята попытка Я. Войнич из Загребского университета исследовать на примере повести В. Сорокина «Метель» проблему взаимосвязи хронотопа как явления жанрово обусловленного, с гетеротопией, тяготеющей к дискурсу и интертексту. Т. Сабо доказывает гетеротопную природу самой художественной литературы, актуализируя её теорией семиосферы Ю. Лотмана и теорией наррации. Материалом для разработки её тезиса послужило произведение современной русской литературы – роман Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик». К. Сыска из Ягеллонского университета с последовательной привязкой к идеям М. Бахтина, теории модусов художественности В. Тюпы прослеживает, как и почему современная идиллия образует сложное, изначально пограничное, промежуточное пространство между утопией и гетеротопией. Исследуется это снова на материале современной русской литературы – проза У. Улицкой и поэзия 2000-х годов. Аналогичным образом автором этой статьи была предпринята попытка анализа гетеротопии города-дачи-курорта в мире И. Бунина.

Если вкратце суммировать и впечатление от гетеротопии как метафоры, рабочего понятия современной гуманитаристики и предположить её дальнейшую судьбу непосредственно в литературоведении, то необходимо отметить только одно. Гетеротопия, для того чтобы не превратиться в модное слово, не стать семантически опустошенным явлением, грозящим безответственно заполнить тексты научных работ, предполагает серьёзное, последовательное, целенаправленное, системное собственно литературоведческое исследование, даже если его результатом и будет признание литературоведческой бесперспективности этого феномена современной гуманитаристики.

Литература

Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994.

Ананьина О. А. Гетеротопии морского романа // Изв. Южного Федерального ун-та. Филологические науки. 2010 № 4. С. 21–31.

Беззубова О. В. «Другие пространства» Мишеля Фуко: современные стратегии интерпретации // Вестн. гражданских инженеров. 2011. № 2 (27). С. 199–204. URL: <http://www.culturalnet.ru/main/person/2122>

Беззубова О. В. Гетеротопии городского пространства: к истории концепта // Эстетика архитектуры и дизайна: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. М.: Архитектура-С, 2010. С. 27–31. URL: <http://www.culturalnet.ru/main/person/2122>

Замятин Дм. Гуманитарная география: основные направления, категории методы и модели // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1, № 1. С. 11–26.

Исиченко И. В. «Не верь лукавым сновиденьям»: фильм как гетеротопия дневных грез. Киев, 2012. 71 с.

Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл / Пер. с фр. С. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001.

Лидов А. «Иеротопия». Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М.: Феория, 2009.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2003.

Тимофеева О. Гетеротопики о гетеротопиях // НЛО. 2007. № 88. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/88/ti31.html>. 24.08.2013.

Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191–204.

Фуко М. Слова и вещи / Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. М.: Прогресс, 1977.

Харламов Н. Гетеротопии: странные места в городских пространствах постгражданского общества // Журнальный клуб Интелрос «Синий диван» 2010. № 15. URL: http://www.intelros.ru/readroom/siniy_divan/sd-15/8933-geterotopii-strannye-mesta-v-gorodskix-prostranstvax-postgrazhdanskogo-obshhestva.html

Хачатуров С. Гетеротопия в полемике с утопией // Arterritory.com. 2012. 13 авг. URL: http://www.arterritory.com/ru/teksti/statji/1408-geterotopija_v_polemike_s_utopiej/1/?action=register

Article metadata

Title: Heterotopia – modern operating concept of the humanities: literary aspect.

Author: E.G. Shestakova.

Author's e-mail: shestakova_eleonora@mail.ru.

Abstract: The article explains the importance for the modern humanities which is heterotopia. It proves that it can be as a new scientific fashion as well as an opening of a new, if not independent, but necessary interdisciplinary concept, which clarifies important, elusive to traditional consciousness semantic and structural nuances, which contribute to the detection and solution of problematic situations. We focus on that is necessary for the literary concept of heterotopia to rely on analysis of literature and make sure if the inner world of art, verbal and cultural process responds the phenomenon of heterotopia. There are three main routes that allow us to prove or reject the introduction of a concept of literary heterotopia.

Key terms: heterotopia, literary criticism, imaginative literature, verbal and cultural process, space, time, time-space.

Reference literature (in transliteration):

Averintsev S. S., Andreev M. L., Gasparov M. L., Grincer P. A., Mihajlov A. V. Kategorii pojetiki v smene literaturnyh jepoh // Istoricheskaja pojetika. Literaturnye jepohi i tipy hudozhestvennogo soznaniya. М.: Nasledie, 1994.

Anan'ina O. A. Geterotopii morskogo romana // *Izv. Juzhnogo Federal'nogo un-ta. Filologicheskie nauki*. 2010 № 4. S. 21–31.

Bezzubova O. V. «Drugie prostranstva» Mishelja Fuko: sovremennye strategii interpretacii // *Vestn. grazhdanskih inzhenerov*. 2011. № 2 (27). S. 199–204. URL: <http://www.culturalnet.ru/main/person/2122>

Bezzubova O. V. Geterotopii gorodskogo prostranstva: k istorii koncepta // *Estetika arhitektury i dizajna: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. M.: Arhitektura-S*, 2010. S. 27–31. URL: <http://www.culturalnet.ru/main/person/2122>

Zamjatin Dm. Gumanitarnaja geografija: osnovnye napravlenija, kategorii metody i modeli // *Kul'turnaja i gumanitarnaja geografija*. 2012. T. 1, № 1. S. 11–26.

Isichenko I. V. «Ne ver' lukavym snoviden'jam»: fil'm kak geterotopija dnevnyh grez. Kiev, 2012. 71 s.

Compagnon A. Demon teorii. Literatura i zdravij smysl / Per. s fr. S. Zenkina. M.: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 2001.

Lidov A. «Ierotopija». Prostranstvennye ikony i obrazy-paradigmy v vizantijskoj kul'ture. M.: Feorija, 2009.

Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij / Gl. red. i sost. A. N. Nikoljukin. M.: Intelvak, 2003.

Timofeeva O. Geterotopiki o geterotopijah // *NLO*. 2007. № 88. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/88/ti31.html>. 24.08.2013.

Foucault M. Drugie prostranstva // *Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju*. M.: Praksis, 2006. Ch. 3. S. 191–204.

Foucault M. Slova i veshhi / Per. s fr. V. P. Vizgina, N. S. Avtonomovoj. M.: Progress, 1977.

Harlamov N. Geterotopii: strannye mesta v gorodskih prostranstvax postgrazhdanskogo obshhestva // *Zhurnal'nyj klub Intelros «Sinij divan»* 2010. № 15. URL: http://www.intelros.ru/readroom/siniy_divan/sd-15/8933-geterotopii-strannye-mesta-v-gorodskix-prostranstvax-postgrazhdanskogo-obshhestva.html

Hachaturov S. Geterotopija v polemike s utopiej // *Arterritory.com*. 2012. 13 avg. URL: http://www.arterritory.com/ru/teksti/statji/1408-geterotopija_v_polemike_s_utopiej/1/?action=register